

Цена 20 коп.

Индекс 72996.

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

4
(1017)

ISSN 0132—2141

Василий ТРЕСКОВ
ТРЕБУЕТСЯ
ДОБРЫЙ
ЧЕЛОВЕК!

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Писать начал, как и все, едва научившись грамоте. Печататься стал гораздо позднее. Подводила внешность. Слишком выглядел молодо и потому не внушал доверия редакторам. Пришлось набирать возрастной стаж. Окончил университет. Потом прошел курс повышения квалификации в Лицее при журнале «Крокодил». Полученный в Лицее «диплом с отличием от всех дипломов» придал мне определенную моральную зрелость. Фельетоны и юморески стали чаще появляться на страницах «Крокодила», «Литературной газеты», «Известий», «Недели», «Литературной России», в коллективных юмористических сборниках...

Работа с письмами трудящихся в редакции газеты «Известия» обогатила меня дополнительным жизненным опытом. Когда мне стукнуло тридцать, то солидность моя уже была, как говорится, на лице. В подтверждение чего и явилось решение редколлегии журнала «Крокодил» издать сборник моих рассказов массовым тиражом. Это моя первая книга в столице. В нее вошли рассказы, опубликованные в центральной периодике.

Библиотека Крокодила № 4

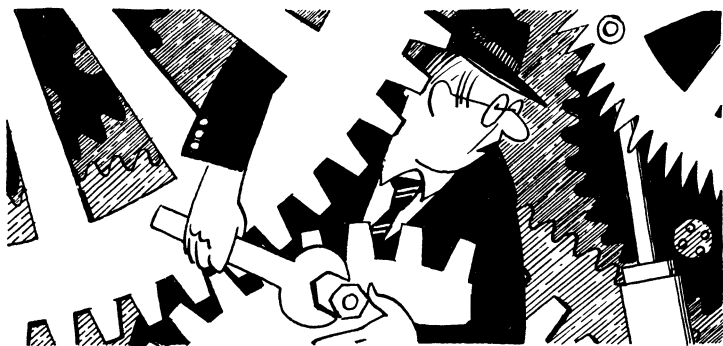
Василий ТРЕСКОВ

**ТРЕБУЕТСЯ
ДОБРЫЙ
ЧЕЛОВЕК!**

Юмористические рассказы

Рисунки В. МОХОВА

Москва
Издательство ЦК КПСС «Правда»
1987

ЛИНИЯ

Инженера Черенкова вызвали на ковер.

— Чем занимаетесь? — спросил шеф.

— Своими обязанностями, — бойко отпартовал инженер.

— Кончайте заниматься ерундой, пора заняться делом, — мрачно сказал шеф. — Оттуда звонили, — шеф левым глазом посмотрел на потолок, — рекомендовали установить автоматическую линию для замены трудоемких ручных процессов. Предлагали купить за рубежом за валюту, но я сказал, что обойдемся своими силами и средствами.

— Да сделать можно, — пробубнил Черенков и со значением почесал затылок.

— Вот и хорошо, и вот и прекрасно, — оживился шеф, — через месяц чтобы линия функционировала. Даю вам полную инициативу и возможность проявить себя. А там через месяц вернемся вновь к вашему квартирному вопросу...

Черенков просиял и затер ладонями, словно стараясь высечь из них искру.

— Хорошо бы, а то теща совсем заела... только вот...

— Действуйте, все в ваших руках. — Шеф снял трубку и начал кому-то звонить... Это означало, что прием окончен...

Черенков почесал затылок и вышел.

Началась свистопляска. Черенков и еще трое из проблемной группы, забросив «подкидного» и пивную «Эврику», что располагилась напротив завода, погрузились в работу. Черенков ночами просиживал

в КБ за кульманом, пока в голове не начинала реветь диким воплем линия, а в глазах мерещиться отдельная квартира со всеми удобствами: с лоджией, кухней, ванной, без тещи и даже без жены.

Тогда он начинал бродить по городским свалкам, выискивая детали для будущей линии.

Жена по-своему расценила его ночные бдения.

Обозвав его нехорошими словами, перестала кормить.

Но Черенков нестигаемо шел к своей цели. И ровно через 25 дней из металлолома и других списанных и «сэкономленных» средств была создана линия.

Линия была что надо — сама заворачивала, упаковывала, взвешивала, сортировала... Каждый день давала экономический эффект в тыщу и более рублей. В цехе — ни шума, ни грязи. Нажимай на кнопки и получай ту же зарплату — благодать. Освободившуюся рабочую силу решили направить на учебу для повышения квалификации и культурного уровня. Про линию как-то пронюхали иностранцы, и на завод повалили делегации.

Ощупывали, простукивали и завистливо цокали языками. Все никак не могли понять, из чего сделана линия, что это за материал такой «из сэкономленных средств».

Шефу обещали повышение, Черенкову — квартиру и сто рублей премии... Линия совсем за дешево обошлась. Но случился казус, через две недели вылетела к чертовой матери деталь, маленькая, с пуговку, «Бр-3».

Заглохла линия, и толку от нее, как от трактора без гусениц, который уже седьмой год ржавеет во дворе завода.

Кинулся Черенков искать эту деталь — нет ее нигде, ни на базах, ни даже в металлоломе. Стоит линия. Стала премия, застрял ордер на квартиру со всеми удобствами.

Ринулся рационализатор в Горэлектроснабсбыт. Там таких просителей, как он, сотни, и все чего-то хотят. Одним детали, другим кирпич, третьим краску, а четвертым вообще дубленки. Начальник главснабсбыта недосыгаем, как святой Будда.

Оставив всю свою зарплату на столах многочисленных секретарш в виде шоколадок и духов, все же прорвался к одному ответственному работнику снабжения.

Тот, его не дослушав, направил к тов. Коростылеву. Коростылев — к тов. Петрову, Петров — к тов. Николаеву. Николаев оказался в командировке.

Черенков остался ни с чем. Отчаявшись, дни и ночи просиживал в коридорах учреждения, пока его не выпроваживал сторож.

Наконец-то ему удалось прорваться на прием к тов. Сундуковой.

— Я не уйду ни к кому, пока вы не выпишете мне пару деталей «Бр-3», — прохрипел он, и в глазах его мелькнула безумная отчаянность.

Сундукова посмотрела на его взъерошенные волосы, небритую ще-

тину на подбородке и судорожно вцепившиеся в стол руки, поняла, что от него просто так не отделаешься.

Стала просматривать журналы, где велась опись всех существующих в материальном мире деталей.

— Нету таких деталей, — сухо брякнула Сундукова, — сняты с производства, а новые еще не производятся...

— Как-как, а как же...

— Заходите, звоните, может, года через два появятся, — сказала Сундукова.

Черенков продолжал штурмовать снабженцев. «Бр-3» сняты с производства, и нет их в материальном мире. Скорее дубленку найдешь, чем эту безделушку, — гудело в голове от разговоров со снабчинниками. Успокоился он инфарктом. Шеф — выговором Черенкову за развал работы. Линию выбросили на свалку рядом с трактором без гусениц. За десяток миллионов долларов купили импортную линию, которая после установки оказалась не для завертывания и расфасовки, а для рубки и ломки. Ломать в цехе было нечего, возвращать — некому. Выбросили и ее на заводской двор рядом с трактором без гусениц. А чтобы не растащили валютные детали, приставили к ней сторожа на круглосуточное дежурство с зарплатой 100 рублей в месяц.

А в это время штамповали стихийно детали «Бр-3» в маленьком южном городке, на заводе «Прибор».

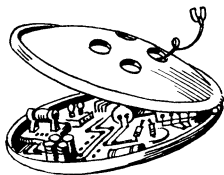
Нереализованная продукция валялась на складах, а предприимчивые работники завода растаскивали их, набив карманы. Одни употребляли их вместо фишек в популярной на юге игре «Нарды», другие в лото.

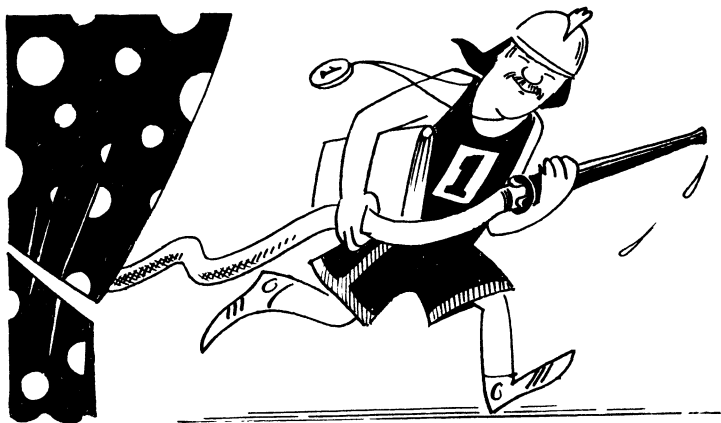
Местные модницы использовали детали вместо пуговиц на платьях. Такое же платье купила там жена Черенкова, уехавшая на юг поправлять нервы от сумасшедшего «дебошира» и «развратника».

Когда она приехала в родной город и едва вышла из вагона в новом платье, сверкая золотистыми пуговицами, как с диким воплем вцепился в пуговицы платья, не обращая внимания на ее вопли, «дебошир и развратник» Черенков. Он остервенело срывал их, приговаривая: «Вот оно где, мое счастье...»

Оторвав пуговицу, деталь «Бр-3», любящий муж помчался на завод, чувствуя прилив новых сил и творческих порывов.

Все было на месте, оставалось только вновь собрать линию...

ВЫСКОЧКА

— Опять ты быстрее всех гайки закрутил,— ворчал старый бригадир Иван Константинович.

— Увлёкся...— оправдывался молодой рабочий Боря Барабанов.

— Ты увлёкся, а нам потом норму повысят. Ишь, умник!..

— Он просто гаечный ключ неправильно держит. Подучиться ему малость надо,— съехидничал помощник бригадира.

И Баранов пошел учиться. Через несколько лет ученый совет одного технического института собрался по поводу досрочной защиты дипломного проекта.

— Итак, исходя из формулы, выведенной мною, можно ускорить процесс производства в десять раз,— закончил Барабанов и положил указку.

— М-да, это все очень интересно,— встал председатель ученого совета Пал Палыч,— но что-то больно уж ловко у вас получается. Вы, молодой человек, прежде чем лезть в Ломоносовы, попробуйте еще сдать мне спецкурс. А то, я вижу, у вас слишком много свободного времени. Наука — это не спринтерский бег... А может быть, вам в самом деле лучше в бегуны переквалифицироваться?

... Стадион был переполнен. Раздался выстрел. Спортсмены пулей взяли старт. Вперед вырвался бегун в желтой майке — Барабанов. Он, используя свой новый метод бега на короткие дистанции, набирал фантастическую скорость.

— Ты куда разогнался? — хрипел ему сзади спринтер в синей майке. — Я заслуженный мастер спорта, многократный чемпион... А у тебя даже разряда нет... Сбавь темп!.. Сбавь, кому говорят! На пожар, что ли, бежишь?..

Когда Барабанов финишировал первым, чемпион презрительно кивнул в его сторону:

— Ему не спортсменом нужно быть, а пожарником.

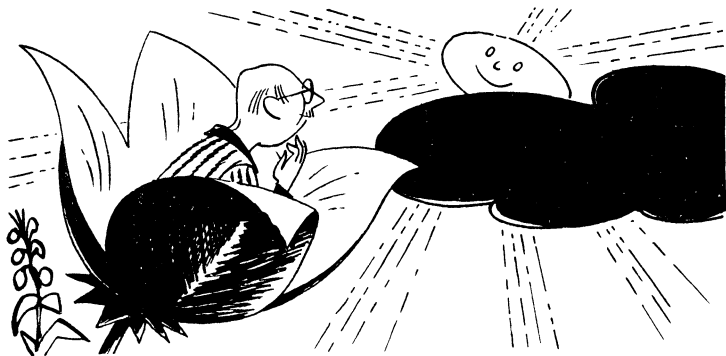
... В пожарном депо раздались тревожные звонки.

— Пожар, товарищ начальник! — вбежал в кабинет молодой пожарный Барабанов.

— Ты чего орешь? — спокойно остановил его старшой Иван Ерофеич. — Пожаров никогда не видел? Шуму-то, как в опере...

... В оперном театре давали премьеру. Исполнитель партии Фигаро был настолько расторопен и искрометен на сцене, что сидящий в последнем ряду бригадир Иван Константинович подумал: «Вот мне бы такого в бригаду...» Председатель ученого совета Пал Палыч, сидящий в двадцатом ряду, наклонился к жене и сказал: «Эх, если бы такие парни шли в науку...» «Цены ему на стадионе не было бы», — прошептал про себя бывший чемпион по бегу. А в голове начальника пожарной охраны, восседающего в первом ряду, пронеслась мысль: «С такими способностями только в пожарные».

В программке значилось: «Фигаро — артист Б. Барабанов».

ОБЫВАТЕЛЬ

Неделя, как обычно, началась с понедельника. Сижу я в своем отделе и работаю. Сегодня понедельник, думаю, завтра вторник, а там уже до пятницы недалеко. А в пятницу — аванс! Хорошо!

Настроение, как всегда, бодрое. В помещении светло, тепло, на улице снежок на солнышке блестит. Отчеты с расчетами сходятся. Зубы не болят, гриппа тоже не наблюдается. Что еще человеку, думаю, надо для счастья. А вокруг суетятся мои коллеги. Все чем-то недовольные, друг на друга серчают. Инженер Кротов на инженера Петрова дуется за то, что тот его проект покритиковал. А Петров инженеру Кротову премии за отличную работу простить не может. Вот и переживают, отравляют друг другу нервы. Плановик Лопухов опять строчит в кассу взаимопомощи о материальной помощи, а машинистка студентка-вечерница Зося выбивает себе по телефону голландские сапоги. Я на солнышко смотрю в окно и радуюсь дню, небу, белизне снега. Ни дубленка меня не терзает, ни премия, ни повышение. Тепло, светло, зубы не болят...

Меня шеф вызывает в свой кабинет. Вхожу, здороваюсь, как положено.

— Садитесь, Ванев,— строго говорит.

Вид у него неприступный, авторитетный.

— Не доволен вашей работой,— говорит,— ошибок много допускаете да и вообще пассивны.

Он повертел в руках мой отчет за прошлый месяц.

— Очень много недоработок.

— Правильно,— говорю,— учту и исправлюсь...

— Я с вами не шучу. Придется вас прогрессивки лишить.

— Совершенно с вами согласен. Я сам об этом думал: недостойн ее.

Тут шеф растерялся и странно посмотрел на меня.

— Солнышко какое на улице,— говорю,— хорошо. Мороз и солнце — день чудесный. И зубы не болят — хорошо. Вы на лыжах не катаетесь, очень полезно,— говорю.

— Послушайте, Ванев, вы бросьте дурака валять.

— Постараюсь,— говорю,— а вы зря спортом не занимаетесь, от инфаркта помогает.

— Идите, Ванев, вы свободны.

Ну что ж, на то он и начальник, думаю, чтобы сердиться.

— Хорошо, что я не начальник. Отвечай за каждую ошибку. Требуй со всех, ругай. Свою нервную систему изнашивай, а в результате на тебя еще обижаются. А тут еще начальство сверху за шкуру возьмет. Ну-ка, мол, объясните, так-перетак, что это и почему. Тут и гипертония, и желудок, и инфаркт, и прочие начальственные болезни...

Попрощался я с шефом душевно и вышел. А в отделе жизнь кипит. Телефон нарасхват. Телеграфирует в разные концы комбинации дубленок, дач, диссертаций, подписок на академические издания.

— Ну как, были у шефа? — с выжидательной улыбкой спрашивает Лопухов.

— Очень интересный разговор состоялся,— говорю.

— Ругал? — нетерпеливо спрашивает он.

— Да нет, что вы, — говорю, — насчет лыжных прогулок разговаривали.

— То есть как? — занервничал Лопухов.

— Насчет вас спрашивал, — говорю. — Как Лопухов работает?

Тот аж дугой выгнулся. Глаза у него так и забегали, как квартирные электросчетчики, когда включены одновременно все лампы, телевизор, холодильник и стиральная машина.

— Ну, а я, — говорю, — премию нужно давать Лопухову. Заслуживает.

Лопухов захлопал белесыми ресницами, растерянный.

Сел я на свое место. Ну что, думаю, Лопухов. Натура у него такая от природы. Он, может быть, и думает что-то хорошее сделать, а у него гадости выходят. Любит премии получать, а их ему не дают. А у него семья большая, дочь все никак замуж не выйдет. Вот и пишет анонимки. Его тоже понять нужно. На улице повалил снежок. Хорошо. Зубы тоже не болели, а до конца рабочего дня четыре часа остается. Хорошо. Завтра уже вторник. А вечером по телевизору детектив обещали.

Виджу, меня секретарша-вечерница рассматривает. Чегой-то вдруг она мной залюбовалась. То не здоровалась, а теперь глаза наводит. С женой, что ль, поссорилась?

— Вот смотрю я на вас, Ванев, — обиженно говорит она, — нет у вас никаких интересов, стремлений, даже каратэ не занимаетесь. Костюм уже третий год подряд носите, портфель с залатанной ручкой. Плащ и пальто носите из ширпотреба. Одним словом, живете как последний обыватель...

Пригляделся я к ней внимательней, а у нее прическа новая и джинсы другие. А никто этого не заметил. Все своими проблемами заняты. А она женщина молодая, нужно как-то к себе внимание обращать. А то так и состаришься незамеченной.

— Как прическа, — говорю, — вам идет, прямо как в журнале иностранных мод, да и джинсы гармонируют.

Она вспыхнула. На лице румянец выступил.

— Да что вы, — засуетилась она, — это так, знакомый парикмахер, он за такую прическу на конкурсе в Париже приз получил. А джинсы вообще пустяк, один дипломат знакомый из Штатов привез...

Она захихикала и затараторила о джинсах, сертификатах, сапогах и прочей дряни.

«Что ж, — думаю, — она женщина. Ее понимать нужно».

Потом в отдел нагрянул шеф и сказал:

— Наряд на овощную базу. Решайте: кому?

Все сразу заохали, закашляли.

— У меня печень большая! — кричит Петров.

— У меня завтра доклад, — оправдывается Кротов.

— У меня семья большая, — захныкал Лопухов.

— У меня сессия на носу, — возмущается Зося-вечерница.

Тогда все посмотрели на меня. У меня все было хорошо. Тепло, светло. На улице снежок шел. Да еще и зубы не болели.

— Хорошо,— говорю,— давайте я пойду.

Все облегченно вздохнули. Люди есть люди, их понимать нужно. Наконец прихожу домой.

— А-а, пришел,— говорит жена, уже чем-то недовольная.— Ты слышал новость? Нет, конечно. Авоськина, твоего бывшего однокурсника, за границу посылают. Мне его сегодня жена звонила. А? Каково? Вот где денег загребет, мерзавец.

— Ну что ты,— говорю,— радоваться нужно за нашего друга. Ему такое доверие оказали, человек он старательный, усидчивый, вот и добился.

— А тебя,— говорит,— хоть бы куда послали...

— И мне тоже коллектив доверие оказал. На овощную базу посылают капусту грузить.

Жена посмотрела на меня очень выразительно и тяжело вздохнула.

— Поужинаешь сам,— сухо сказала она и ушла в свою комнату.

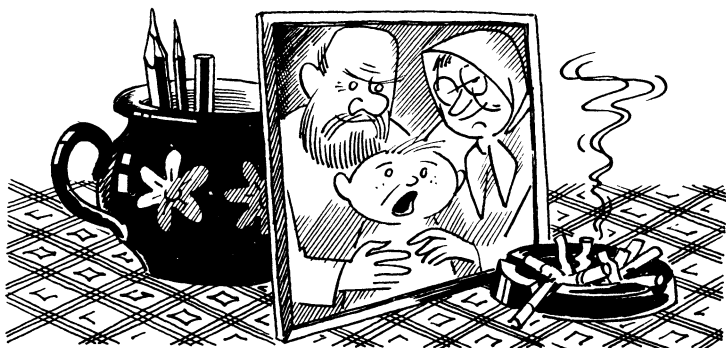
«Ну что ж,— думаю,— жена, она и есть жена. Всегда чем-то недовольна. Пусть выскажется, выплачется, а то и забудешь, что жена есть...» Включил телевизор. Там бегемотов прямо из Африки показывают. Хорошо, думаю. Сидишь в квартире и бегемотов видишь. Не надо и ехать в Африку. На улице снег начал таять. Это к весне. Звезды блестят. Телевизор без помех работает. Да еще и зубы не болят. Хорошо! Что еще надо?

Через час жена пришла в комнату. Посмотрела на меня нежно и говорит:

— А все равно ты у меня самый лучший... Люблю я тебя. С тобой и жить спокойнее...

Ну, что ж, правильно говорит. Люди любят меня. Потому что их понимать нужно.

БЕДНЫЙ ПАПА

Недавно жена родила ребенка, без которого, как она утверждала, семья была неполной. Принесла она из роддома это счастье, завернутое в разноцветные тряпочки, и началась наша полная семейная жизнь. Смотрю я на кроху и думаю: «Вот так, наверное, на свет и я появился...» И носик, и ротик, и даже глазки — все при нем. Почти как человек. Он тоже смотрел на меня, как бы оценивая, затем поморщился и как зареет... Сам с локоток, а ревет, как турбореактивный самолет на взлете. Я смотрю и не понимаю: откуда что берется?

А жена мне строго говорит: «Ну, чего уставился? Не видишь, что ли, у него пеленки мокрые... Иди постирай, а я им займусь...»

Постирал. Погладил. Только разогнул спину, а он опять реактивным двигателем глушит.

— Давай чистые пеленки! — кричит жена. — Он опять мокрый!

«Ну, дети пошли, — думаю, — никакой сознательности, просто эксплуататоры».

Жена с него глаз не сводит и, такая счастливая, воркует:

— Мой лапочка, ненаглядничек мой, зайнышка.

Меня она так в жизни никогда не называла.

— Не слишком ли ты его балуешь, — говорю я раздраженно, — он опять пеленки испортил, можно было б ему как-то объяснить, что надо уважать чужой труд...

Она только рукой махнула.

— Ах, ничего ты не понимаешь, — говорит, — ах, лапочка мой, он опять мокрый... Пойди постирай.

— Ну, это безобразие! У меня, кроме пеленок, есть другие дела. Мне отчет нужно писать о социологических исследованиях. Он, что ли, за меня будет писать!..

Но тут взревел турбореактивный двигатель, и я быстро схватил пеленки.

— Начальник за отчет не с него, а с меня спросит, — пытаюсь возразить я. — А что я скажу? Стирал пеленки! Начальник не поймет. Он бездетный.

— Иди пиши отчет, — спокойно говорит жена.

— Куда, интересно, я пойду писать, в ванную или в туалет? Что соседи скажут? Квартира у нас коммунальная...

— Иди, куда хочешь, дорогой, — мягко говорит жена, укачивая свое чадо. Застыл я посреди комнаты.

— Может, я вообще уже здесь лишний?

В ответ взревел двигатель с утроенной мощностью.

Жена засуетилась и завертела дитя в разные стороны. Я юркнул в ванную и принялся стирать пеленки.

«Неужели и я был таким несознательным? — впервые за свою жизнь подумал я о своем прошлом. — Наверное, и мой папа так страдал. А я даже его с праздником забываю поздравить...»

Ночь прошла, как в аэропорту, где без конца приземлялись и взлетали самолеты. Жена то и дело проворно вскакивала с кровати и что-то нежно причитала.

— Опять мокренький, бедный зайчика... животик болит, ой, ты мой птенчик...

«Попробовал бы я ее разбудить среди ночи... Даже когда всхрапну, и то прорывается... Вот так, наверное, и мой бедный папа страдал... А я еще с него деньги на кооперативную квартиру тяну. И этот потребует. Вон какой горластый. Горлом свое возьмет...»

... Я стал задумчив и рассеян на работе. Вместо носового платка я находил в своем кармане мокрый подгузник, вместо ручки — пустышку. Коллеги утешали меня, как могли:

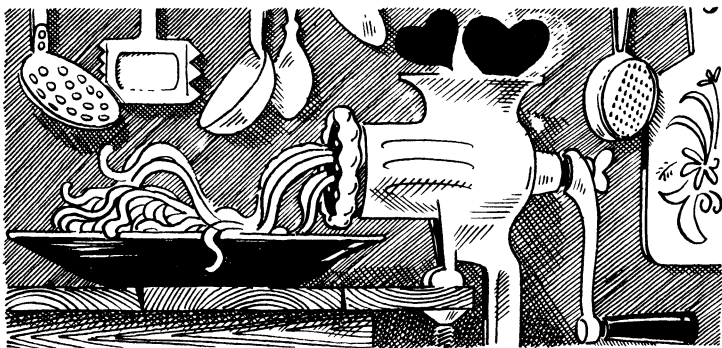
— Ничего, брат, прокормишь! Придется пошевелиться, по совместительству где-нибудь подрабатывать, статейками подхалтуривать... Конечно, про театры, бары, кино, приятелей позабудь... Это уж отрезано...

Я затосковал. Снова вспомнил про папу.

«Надо хоть навестить стариков, — подумал я, — а то совсем забыл про них».

Скоро мы всей семьей приехали к моим родителям. Это была трогательная сцена, которую невозможно описать словами. Умилениям не было конца. Дедушка и бабушка восторженно улюлюкали над внуком. Мы душевно провели вечер. Кроху, конечно, оставили родителям. Старика были тронуты до слез. Когда мы собрались уходить, раздался рев турбореактивного двигателя. Я побледнел и на прощание крепко и сердечно расцеловал отца.

«Бедный папа! — подумал я. — Может, когда-нибудь и мой сын так подумает обо мне...»

РАСТВОРИМАЯ В БЫТУ

В руках рассыпались ее волосы, в небесно-голубых глазах светилась нежность. Никогда еще я не встречал таких красивых глаз.

Мы целовались в метро, в кинотеатрах, в скверах, в подземках. Танцевали в дискотеках и кафе. Пили тройные коктейли и были счастливы.

Светка ассоциировалась в моем сознании с цветущей вишней, розой, фиалкой, тюльпаном, жасмином и гладиолусом. Других цветов я не знал. Ботанику в школе учил плохо. Светка носила вельветовые джинсы, приталенный батник и модные прически. От нее пахло духами «Клема».

Жизнь без Светки для меня не имела смысла. Мы поженились. Я переехал жить к Светке. Целоваться сразу перестали. Вместо любви возникла проблема жилплощади и тещи. Зарплаты сразу же не стало хватать. Потом потребовалась вешалка в прихожую, за которой я каждый день ходил по утрам отмечаться в мебельный магазин. Затем родился Дениска и стал дико орать, словно недовольный, что на свет появился. Рев Дениски заменил нам дискотеку, стирка пеленок — танцы, а стычки с тещей — театральные премьеры. Светка не причисывалась, носила один и тот же махровый халат и ворчала на меня, что не принес картофель и полуфабрикаты. Светка стала ассоциироваться в моем сознании с пылесосом, стиральной машиной, тещей и подгоревшими кулинарными котлетами, которыми она кормила меня с первого дня нашей совместной жизни. Светка считала, что я ей испортил жизнь, мне же казалось — наоборот. Однажды после очередного спора я не выдержал и, крикнув «сама дура», выскочил из квартиры. Вслед мне полетела сковородка с кулинарными котлетами...

Я долго блуждал по улицам, стараясь не смотреть на встречных девушек. Все они у меня ассоциировались с кулинарными котлетами. На

скамейке у фонтана сидела длинноногая и голубоглазая. Независимая и модная, как кинозвезда на экране. Я сел рядом. Ее звали Викой. Она заканчивала пединститут. От нее веяло духами «Клема», сигаретами «Ява».

И никаких котлет.

Мы начали неофициально встречаться. Целовались в метро, кинотеатрах, в скверах, в подъездах... Она ассоциировалась в моем сознании с цветущей яблоней, розой, фиалкой, жасмином и гладиолусом. Других цветов я не знал. Ботанику учил плохо. В руках рассыпались ее волосы, в небесно-голубых глазах светилась нежность. Мы ходили по кафе, дискотекам, французским фильмам... Жене говорил, что дежурю в ДНД и хожу на овощную базу...

Скоро я понял, что жизнь без Вики для меня не имеет смысла.

Через полгода я ушел от пеленок, скандалов, кулинарных котлет, воскресных уборок, тещи...

Мне захотелось чистой воздушной любви. Я поселился у Вики. Мы поженились.

Три месяца спустя я брел в прачечную, перекошенный влево тяжелым тюком грязного белья. На обратном пути мне надо было зайти в мебельный и выкупить двуспальную софу с трюмо и зеркалом, а также заскочить в «Кулинарию» и приобрести кулинарные котлеты.

Дома была теща, которая считала, что я испортил ее дочери жизнь. Вика у меня в последнее время стала ассоциироваться с пережаренными антрекотами и половиком в прихожей, который она заставляла меня выбивать каждый вечер.

Навстречу мне шла длинноногая и голубоглазая, ведя за собой пухлощекое малыша. Я залюбовался ее гордой, независимой от кулинарии и воскресных уборок осанкой. На голове у нее дыбилась модная прическа; стройная фигурка затянута в кожаное импортное пальто. С трудом узнал свою первую жену Светку.

— Света, я пропадаю без тебя! — крикнул я, бросая к ее ногам тюк с грязным бельем...

— Ой, вот это встреча! — воскликнула Светка, покраснев.

— Ура! Папка из командировки вернулся! — крикнул Дениска, повиснув на моей шее...

Мы стали неофициально встречаться. Целовались в метро, кинотеатрах, скверах, подъездах. Танцевали в кафе и дискотеках. Жене Вике я говорил, что дежурю в ДНД и выполняю срочную работу по заданию руководства.

Светка ассоциировалась в моем сознании с цветущей сливой, розой, фиалкой, тюльпаном, жасмином и гладиолусом. Других цветов я не помню.

Однажды я остался на ночь на своей старой квартире. В руках рассыпались ее волосы, в небесно-голубых глазах светилась нежность.

Жизнь без Светки для меня не имела смысла.

— Давай сойдемся?— тихо спросил я...

— Что ж,— прошептала она,— мне как раз не хватает тебя, особенно сейчас. Я хочу делать генеральный ремонт в квартире, а одной мебель переставлять тяжело. И половики уже никто давно не выбивал...

Она мечтательно прикрыла глаза и поцеловала меня в нижнюю челюсть.

ЖИВАЯ РЫБА

Нюся, кандидат филологических наук, по пути с работы зашла в магазин и купила в отделе «Живая рыба» огромного карпа с выразительными выпученными глазами. Он беспокойно шевелил хвостом и открывал рот, словно желая высказаться. Дома она бережно опустила его в наполненную водой ванну, и карп оживился. Весело всплескивал воду хвостом, кувыркался. Нюся умиленно смотрела на карпика и бросала ему хлебные кусочки... «Хорошенький, маленький мой»,— приговаривала она. Карп ей чем-то напоминал ее давнего приятеля Сергея Петровича, с которым она познакомилась прошлым летом на юге. Он был так же лыс и скользок, глаза у него были круглыми и выпуклыми. Она вспомнила, как он смотрел неподвижным взглядом на ее фиолетовый купальник, и покраснела. После отдыха на море Сергей Петрович исчез и не подавал признаков жизни. Нюся тяжело вздохнула и подумала: чем же еще кормить карпа? Вспомнила о Маринке, кандидате биологических

наук, и позвонила к ней за консультацией. Та посоветовала ей срочно обзавестись аквариумом и концентратами.

— Карп — это еще терпимо, — сказала Маринка, — вот мой сосед из Африки живого крокодиленка привез. Вот ведь проблема. Никак прокормить его не может. Заявление подал в жэк на дополнительную площадь. В общем, приезжай ко мне, я тебе аквариум дам. Просторный, в нем когда-то дельфин жил...

Нюся поехала.

Когда вернулась домой с двумя грузчиками, которые на веревках поднимали огромный, как рояль, аквариум, из ее квартиры донесся запах жареного. На кухне бойко хозяйничала ее мама, школьный завуч по воспитанию. На сковородке аппетитно поджаривался разделанный в сметане карп.

— Хорошую рыбу купила, — похвалила мама, — решила тебе помочь, чтобы ты не возилась с очисткой и разделкой...

Нюсе вдруг вспомнился пропавший Сергей Петрович, и она горько заплакала.

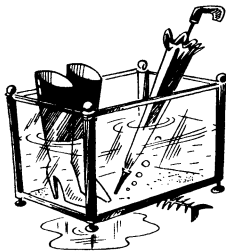
— Вечно ты вмешиваешься в мою личную жизнь! — воскликнула она.

— Ну вот, опять не угодила, — обиделась мама.

— Хозяйка, а аквариум куда? — спросили грузчики.

«Хороший аквариум, — подумала она, — куда даже Сергей Петрович поместится».

— Оставьте его в прихожей, — сказала Нюся.

СХВАТКА

Младшего научного сотрудника Петрова предупредили, что его завтра на обсуждении диссертации будут сжирать.

— Подавятся! — бесстрашно ответил он.

Утром он ворвался в зал ученого совета, грозно размахивая своей папкой, как саблей. За ним стройными рядами шли его научные друзья и руководители. На креслах чинно восседала оппозиция — Саплин и банда.

Соискатель решил бить врага сразу. Он вскочил на кафедру, как джигит на коня, и заговорил.

Обстановка накалялась с каждой минутой. Елкин, личный секретарь Саплина, незаметно целился в Петрова из двустовки по поводу общественной значимости работы. Но тот был начеку. Прикрылся диссертацией и отошел в дальний угол. Когда же он выглянул, Елкин уже начал интеллигентно «поедать» его с вилкой и ножичком, как антрекот на банкете по поводу экономического эффекта.

«Врешь!» — прорычал тихо Петров и обстрелял его пулеметной очередью из цитат, формул и планов внедрения.

Елкин рухнул.

— Ура! — закричали сторонники Петрова и пошли в атаку.

Ряды противников дрогнули. Мнения пулями свистели по залу. Слова и цитаты Петрова разили метко и убийственно.

Но тут, взломав стену, на танке въехал доцент Балалайбин, правая рука Саплина. Пушка была наведена в лоб соискателю. Грохнул залп....

...Когда он пришел в себя, то увидел Балалайбина, победоносно восседавшего на кафедре. Превозмогая боль, пострадавший незаметно подполз к Балалайбину и, собрав остатки сил, швырнул в него многопудовый том диссертации.

— Дзынь!

Балалайбин только почесал лысый массивный череп и легким щелчком отбросил Петрова в угол. Друзья шарахнулись от растянувшегося диссертанта, а кто-то из них даже ухитрился лягнуть предательски Петрова под зад.

Тогда он поднялся, как смертельно раненный солдат, и выхватил из-за пазухи карманную атомную бомбу — благоприятный отзыв директора института.

— Руки вверх! — прохрипел Петров.

Противники и друзья в панике залегли.

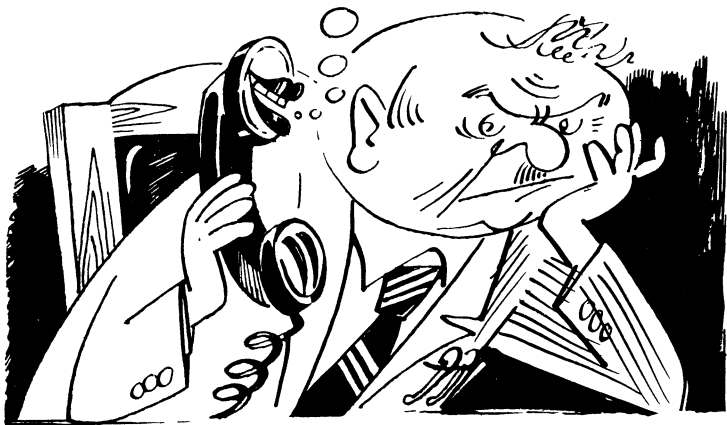
...Ученый совет одобрил диссертацию к защите...

Утром уборщица тетя Маша раскрыла окна... Запах валидола, оставшийся после боевых действий, рассеялся под дуновением свежего ветерка.

— И что люди грызутся, — пробурчала она, — и интеллигентные, и получают довольно. Не пойму...

Ей посчастливилось ни разу не защищать диссертаций.

СТРАННЫЙ ЗВОНОК

Николай Семенович Ерохин уже отпустил сотрудников и сидел в своем кабинете, бесцельно включая и выключая настольную лампу. Вдруг зазвонил телефон. Ерохин вздрогнул. Он боялся телефона, потому что за каждым звонком крылась какая-нибудь просьба — одна из тех, с которыми к нему, зная его возможности, обращались все, кто хоть немного его знал.

— Это вы, Николай? — услышал он в трубке женский голос и подумал: «Начинается».

— Я.

— Уж не знаю, на «ты» или на «вы».

— Все равно, — обреченно сказал Ерохин.

А трубка продолжала:

— Как дела? Как, Николай, здоровье?

«Так. Здоровье, — привычно проанализировал фразу Ерохин. — Сейчас последует просьба насчет лекарств».

— С медициной последнее время не сталкиваюсь, — сказал Николай Семенович.

— Это хорошо, — услышал он в трубке. — Здоровье — самое главное, гласит народная мудрость.

«Ага. Народная мудрость. Намекает, чтобы я достал «Мифы народов мира». А вслух сказал:

— С народной мудростью трудно.

— Ну, а дети как? Небось, как мои, школу кончают?

«Вот оно что! Тут дело о поступлении в институт».

— Я холостяк,— отрезал Ерохин.

— Ой, Николай! Как же так? Ты же был такой парень!.. Мы все думали, такого только в кино снимать.

«Как я сразу не догадался! Неделя французского фильма на носу».

— С кино ничего не получится.

— Ладно, не приbedняйся! Я помню, как ты городничего в «Ревизоре» играл.

«Ого, куда гнет! Думает, у меня есть знакомые в прокуратуре».

— Ты же знаешь, чем кончается гоголевская пьеса,— мрачно изрек он.

— Я-то помню. А вот ты?.. Кто играл в том спектакле твою жену — Марию Антоновну?

Николай Семенович задумался.

— Да, там такая... с косичками...

— С косичками! — захохотала трубка. — Нинка Павлова — вот кто!

— Кажется, ее звали Люся...

— Люся? Ха! Ты мне будешь говорить, как меня зовут! Нина я! Нина Павлова.

— Нина? Ты!

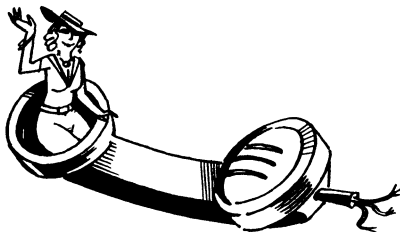
И Николай Семенович вспомнил тот далекий школьный спектакль, как засовывал себе под ремень подушку для солидности, а Нина взяла у своей мамы туфли на шпильках, чтобы быть повыше.

— Теперь ты, наверное, и без подушки солидный,— сказала Нина.

— Да... толстею... Нина, может, тебе что-нибудь нужно? Я для тебя все сделаю.

— Нет, Коля, ничего. Я просто позвонила узнать, жив ли ты.

— Жив...— ответил Николай Семенович и задумался.

ПРОТИВОЯДИЕ

Нервные все стали. Прямо на улице дергаются. Особенно молодежь. Стою я как-то на остановке, а впереди меня высокий молодой человек с дипломаткой. Замечаю, что время от времени ногой дергает и по асфальту бьет, как застоявшийся жеребец, которого мухи кусают. «Нервные тики, наверное, одолевают,— думаю,— переучился, небось. Сейчас от науки вся молодежь страдает. Тяжелое на их долю детство выпало — с фигурным катанием, иностранными языками и бинарными уравнениями. Это тебе не наше детство с игрой в салочки-выручалочки и в казаки-разбойники...»

Пошел домой через наш районный сквер, а там сплошной кордебалет. Возле каждого дерева здоровенные мужики в трико стоят и ноги в разные стороны задирают. Женщин с детьми пугают. Кряхтят, сопят, лица красные от натуги. Стараются ноги повыше задрать. Может, это танцевальный ансамбль районного Дома культуры балет «Лебединое озеро» репетирует? Но на лебедей мужики не очень похожи, выражение у всех серьезное, как в бане на верхней полке парилки.

А один из них, лысый, совсем босиком, в майке, на ней нарисован оскаленный череп и написано «каратэ», и все ногой дергает, на лице у него такая досада, что жалко его стало. Подошел и спросил, как дела.

— Да вот пятка не подгибается при «наваши гири», — пожаловался он и с досадой ударил по дереву так, что где-то хрустнуло. Лысый обрадовался: — Во! Наконец-то получилось! Как подвернешь пятку, так кость хрустнет, каратэ — это дело серьезное, — сказал он и с гордостью показал ободранную пятку.

— Вы ее йодом бы прижгли,— посоветовал я.

Лысый недоброжелательно посмотрел на меня и задрал ногу выше головы.

— Такие шутки не по мне,— говорит,— каратэ шуток не любит...

Мне стало не по себе. На майке свирепо скалился череп. Я поспешно покинул сквер.

Во дворе нашего дома первоклассники Жорка и Мишка сосредоточенно лягали стенку подъезда.

— Каратэ занимаетесь,— сказал я,— молодцы ребята! Только пятку подгибайте!

— Мы только начинаем,— небрежно буркнул Жорка,— вот мой папа ходит в платную секцию «конфу», его там за 200 рублей в месяц учат грудные клетки пальцами пробивать, он дома уже все двери переломал...

— Что-то, мальчики, у вас реверс не идет,— прошепелявила проходящая мимо старушка. Бабушка сделала что-то наподобие реверанса и затрусила в молочный магазин. Выяснилось, что она посещает секцию каратэ для пенсионеров при жэке.

Дома по квартире под ритмы «диско» ползал на руках мой 15-летний недоросль и локтями стучал по полу. Теперь-то я знал, чем занимается мой сын, а еще неделю назад серьезно волновался за его психику.

На кухне жена Марица в розовом балахоне с черным поясом делала шпагат. Раньше она по системе йогов целыми днями стояла вниз головой, теперь по системе каратэ перешла на растяжки. Ужином, конечно, на кухне не пахло.

Она встала на «мост» и, выгнувшись, сказала:

— Ты знаешь, в таком положении я совсем не ощущаю атмосферного давления. Врачи рекомендуют так стоять по часу натошак...

В гостиной ухали увесистые тома медицинской энциклопедии. Это теща отработывала удары и с лета била книги пяткой. «Таковыми приемами против танков бороться,— подумал я,— а не против хрупкого человека, страдающего от склероза и ревматизма. Надо спасти цивилизацию, пока ей хребет выпрямленной пяткой не переломили».

Мне вспомнилось заковыристое словечко, когда-то встретившееся в энциклопедии малых искусств.

— Каратэ уже не модно,— сказал я сыну, который со зверским выражением лица пытался вытянутой пяткой сбить абажур с висящей люстры.— Пора приниматься за катарсис...

Парень насторожился.

— А что это? Разновидность «конфу»?— спросил он.

— Это учение способно перевернуть душу,— таинственно прошептал я.

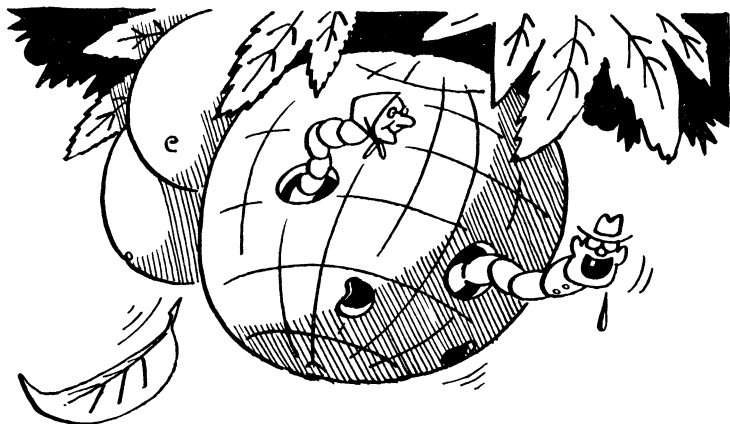
— Ух ты!— Мальчишья глаза загорелись.— Вот бы научиться!

Я вытащил из стеллажа запыленный томик Шекспира.

— Прочитай внимательно от корки до корки, там все зашифровано, все болевые точки указаны...

Сын недоверчиво взял в руки книгу и медленно, вчитываясь в каждую строку, начал листать страницы.

На лице его медленно стало проявляться человеческое выражение.

НЕСЧАСТНЫЙ ВИТАМИН

— Природа — это сплошной витамин, — однажды изрек Жора Редькин, прочитав научно-популярную статью в журнале о лесных растениях. — Каждая трава, — поучал он свою жену, — это тебе не сорняк, а эликсир. — Он многозначительно поднял палец. — Земляника, черника, липовый цвет, одуванчики и даже крапива полезны для здоровья.

— А землянику рекомендуют по литру в день есть, чтобы морщинок не было, — запричитала его супруга Мария Дмитриевна, — а крапива помогает от облысения. Это по телевизору вчера доктор рассказывал...

Редькины, вдохновленные витаминными бальзамами, ринулись в районный лесопарк. Там, на уцелевшей от асфальта лужайке, уже паслись почти все жители микрорайона, гремя бидонами и ведрами. А на дереве уже сидел их кум Петр Сидорович и звал на помощь. Он начался до одурения о магических свойствах липового цвета, что с разгона влез на верхушку столетней липы, а обратно слезть не смог.

— Вон кум куда забрался,— сказала Мария Дмитриевна,— всю липу ободрал. Зря я ему журнал «Здоровье» дала читать...

— ...А когда-то там скворцы жили, и даже соловей пел, а теперь вот Петр Сидорович орет,— сказал Жора Редькин, обципывая траву около липы.

— Похоже на землянику,— сказал он,— ты отвари в томатном соесе и сахаром засыпь, что-нибудь получится...

— Нашла витамин, мама, беги сюда, поймала витамин! — истошно кричала на весь сквер семилетняя девочка, вцепившись ручонками в одуванчик.

— Занят одуванчик,— подскочила к ней ее подружка Верочка,— мы с мамой еще вчера очередь занимали...

— А мы позавчера,— подросли Редькины,— и вы тут не стояли. Вокруг одуванчика засуетилась очередь.

— Да что вы в конце-то концов, не в автобусе, а в парке,— сказал розовощекий дядя в сорочке с блестящими пуговками на плечах,— кругом такая красота, природа благоухает, только радоваться да любоваться. Помните, как в поэзии: «До чего же хорошо кругом, земляника краснеет под кустом».— И сорвал одуванчик... Он глубоко вздохнул:

— Аромат какой! Цветение какое... Как будто духами пахнет...

— Диор,— сказала парикмахер Тая из районного салона красоты,— между прочим, от березовой коры в распаренном виде исчезают бородавки и лечится радикулит, вот мы с мужем содрали шкуру с живой березы... Будем неделю париться...

— А мне рассказывали, что листья дуба надо жевать на ночь,— прощамкала старушка,— говорят, что помолодеешь на сорок лет и ищчо детей сможешь рожать... Тяжело за ветками тянуться, вот я и решила со своим дедом спилить дуб и посадить его на балконе, круглый год будем листья жевать.

— Дайте кусочек корня дубового,— попросил Жора Редькин,— мы из него картину сделаем «Наедине с природой».

— Варварство,— сказала парикмахер Тая,— корни дуба надо засаливать в рассоле и глотать натощак. Это способствует хорошему цвету лица и пищеварению.

...Лесопарк обреченно превращался в витамины. Травы расходилась на заварку, деревья — для засола, корни — для глотания.

Но вдруг по микролесу прошмыгнул слух, что грязь с заросшего тинной пруда предохраняет от ожирения и помогает сохранить фигуру.

Редькины, схватив лопату, ринулись расчищать заброшенный пруд, который гнил на месте бывшего фонтана на окраине микрорайона. К Редькиным присоединилась толпа любителей витаминной природы.

Через несколько часов пруд был очищен от грязи, и вода стала прозрачной и холодной. Говорят, что дно расчищали с таким энтузиазмом, что раскопали какой-то неизвестный целебный источник от... Но, тс-с... тихо... Не будем уточнять, а то прудик вновь превратится в болото.

ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СТРОК

Трудно представить современную литературу без метро. Сейчас, как известно, у всех эрудиции на сто лет вперед хватит, все перечитали вдоль и поперек. И все благодаря этому транспорту. Да и где сейчас читаешь, как не в метро? На работе то телефоны, то начальство отвлекает, дома — жена на рынок посылает, дети шалят или хоккей по телевизору показывают, а о библиотеке вообще речи нет. То ли дело в метро: дорога дальняя, двери закрыты, деваться некуда — хочешь не хочешь, а читай. Так и преобразилось метро из обычного транспорта в оперативный вагон-читальню. Уже без литературы там неприлично ездить, словно без пятака. Вот все и читают, ну, и ты не теряй времени — приобщайся, чтобы не отстать в своем интеллектуальном развитии.

Так все достижения человеческой мысли и познаются с колес. Лично я все шедевры там и прочитал. На кольцевой, помню, Стругацких с Райновым накатал, на Филевской — Дюма с комиссаром Мегрэ, на Юго-Западной — Фолкнера осилил. Как-то заехал на «Речной вокзал» и помянул добрым словом Фейхтвангера с его персонажами Сомсом Форсайтом и Генрихом Манном.

Возвращался я как-то в метро с работы в час пик. Вагон, конечно, переполнен, пассажиры друг на дружке висят, но читают, изогнувшись в разные позы, как йоги. Протиснулся я в уголок, отвоевал локтями себе местечко поуютней. Облокотился на мощную спинку в куртке, ногу на чью-то хозяйственную сумку поставил. В метро я не новичок и не в таких ситуациях читал. И ноги отдают, и пуговицы оторвут, а все равно читаешь. А здесь устроился, как в кресле. Обстановка самая что ни на

есть душевная, к классике располагает. Полез я в портфель за «Королевой Марго», а там только пирожки с повидлом в целлофане лежат. Так и есть, забыл в институте в столе. И так горько стало, что хоть пирожки с повидлом ешь. А вокруг все читают. С таким упоением, будто только вчера грамоте научились. Мощная спина в темном плаще «Коллоидную химию» шпарит, мужчина в шляпе — «Швейка», женщина в черных очках — «Иностранную литературу», а старушка с хозяйственной сумкой — «Судьбу резидента». Завертелся я по сторонам в беспокойстве. Стал ко всем через плечи заглядывать: у одних в книгах стреляют, у других — влюбляются, у третьих — мартеновские печи пылают, а у четвертых — вообще не по-русски. Места себе не нахожу от вынужденного бесчтения. Глаза панически по вагону стреляют... Перечитал правила пользования метрополитеном, узнал, где места для детей и инвалидов и что прислоняться к дверям нельзя. «Нет,— думаю,— нужно сойти на следующей, может, какую газетку куплю в переходе». А глаза инстинктивно надписи на сумках, джинсах и майках регистрируют: «Кэмел», «Каратэ», «Березка», «Технопромимпорт» и прочее на иностранных языках.

Вдруг вижу: стоит девушка и тоже не читает.

Едем дальше. Все читают, а мы друг на друга смотрим. С каждой остановкой все внимательней. Наконец, подхожу к ней.

— Почему не читаете? — спрашиваю.

— Да журнал с романом забыла.

— Аналогичный случай,— говорю.— А какой роман?

— Сложный и противоречивый,— ответила она, наморщив хорошенький лобик.

— Сексуальный с потоком сознания? — спрашиваю.— Или с криминалом.

— С потоком,— отвечает она.

— Герой многоплановый?

— Противоречивый, с расщепленным «я».

— Помню,— говорю,— читал недавно, на Рижской линии.

Поговорили мы с ней о литературе, обнаружили родственные души и психологическую совместимость. На «Варшавской» она собралась сходить.

— Нет уж, возражаю — давайте поженимся.

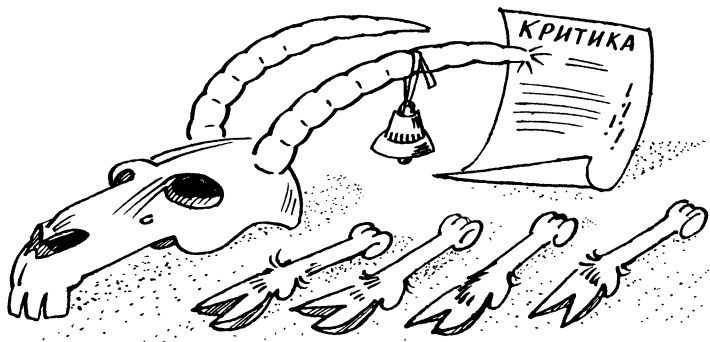
— Ну что ж,— согласилась она,— сейчас это модно.

Поехали мы тут же с ней в загс. Там очередь. Толпятся юные парочки и читают. Одни мы не читаем и от нечего делать друг на друга смотрим. Стоим мы, стоим. Надоело друг на друга смотреть. Да и время зря теряется.

— Постой,— говорю я,— сейчас за чтивом сбегая. Купил ей «Экран», себе «Неделю». Сразу веселее стало. Теперь мы все читаем. Я — про грипп, она — про Голливуд. Потом поменялись. Я — про Антониони, она — про склероз. Читаю я, читаю... И не заметил, как в метро

оказался. Приехал домой, включил телевизор и под аккомпанемент оркестра народных инструментов стал читать Жоржа Амаду.

Лег спать и вспомнил про невесту: куда это она делась, думаю, тоже, наверное, зачиталась. Жаль. А ведь у нее, как она говорила, и Шукшин, и Бондарев, и Курт Воннегут есть... А я даже имя ее не спросил. Ну, ничего, может быть, снова встретимся, если читать нечего будет.

СЛАДОСТЬ КРИТИКИ

В тресте «Морзасолрыба» резвилась критика, как карп в заповедном пруду. Сотрудники так усердно критиковали друг друга, что их сердечные сосуды от совместной критики лопались, как водные пузыри. Недосолит какой-нибудь отдел две-три селедки, так из его сотрудников потом на собраниях такое филе отбивное откритикуют, что после хоть вывешивай, как тараньку, на веревку сушиться. Особо неистовствовал на летучках главбух Навочкин. Поругается дома с тещей и идет на работу вредные эмоции выплеснуть. Он считал, что это очень полезно — «спускать эмоциональные пары».

— Никто ничего делать не хочет! Командировочные отчеты не по форме заполняете! — возмущался он всегда громко.

И чувствовал себя при этом значительным, как нарисованный у входа в трест кит, выпускающий фонтан воды.

Однажды критика и его стеганула железной плетью, так, что лыси на у него побагровела, подбородок опустился, а пальцы задрожали, как лепестки люстры «каскад» на потолке, когда соседи сверху отмечали свой очередной день рождения.

На следующий день почувствовал себя, как полуживой карп на раскаленной сковородке. Пришел к врачу с жалобой на сердце, а тот и говорит:

— Надо менять место работы, иначе превратишься ты в иваси в томатном соусе. Вид у тебя вялый. Могу порекомендовать трест «Засол-арбузветеринария», кого там солят, непонятно, но работают там одни долгожители. Переходите туда...

Навочкин так и сделал. В первый же день опоздал на работу на полчаса по вине транспорта и боится входить в трест, за сердце заранее хватается. «Сейчас, — думает, — из меня критики печень трески сделают в соусе...»

И действительно, навстречу ему весь коллектив высыпал. Грянул духовой оркестр, вперед выкатился, как пушка с картечью, директор.

— Спасибо, дорогой, разлюбивший братец ты наш, — пламенно сказал он, обращаясь к нему и к народу, дергая седые свои усы от волнения, — что, несмотря на свою занятость, все же вырвался из дома, пришел на работу. Не поддался никаким соблазнам житейским... Вокруг девушки прекрасные, фильмы интересные, рестораны всякие, солнышко блестит, в лесу грибы, а он ради общего дела всем этим пренебрег...

Оркестр заиграл туш, все захлопали в ладоши, директор смахнул слезу умиления, а самый молодой из ветеранов треста, Жора Бабарадзе, которому недавно торжественно отметили 100-летие, лихо сплясал искрометную лезгинку.

Навочкин разволновался. Пропало давление, затихли боли в пояснице, и испарились сами по себе вредные эмоции.

Проработав там полмесяца, Навочкин налился здоровьем, как арбуз под южным солнцем. Походка стала молодцеватой, щеки округлились. Весь день в тресте хвалили друг друга. Но вскоре почувствовал неудовлетворенность, вроде как укоры совести: мол, за что же деньги-то получаем, ничего не солим, никого не потрошим. Забродило в нем прежнее, проснулся в нем кровожадный инстинкт критики. Пришел к директору и строго говорит:

— Так больше жить нельзя. Никто ничего делать не хочет...

— Эх, — огорчился директор, — бродят в вас еще беззастенчивые бактерии критики. Но мы можем их вывести с помощью аутогенного. У нас специальный агрегат есть по выведению вредных эмоций. Специальная штатная единица, так сказать, козел отпущения — он за это капуту казенную ест.

Директор подошел к огромному сейфу, долго расшифровывал код замка и наконец-то открыл массивную дверь, откуда выскочил козел с бородой.

— Вот, пожалуйста, критикуйте его. Он во всем виноват. — И директор, сурово посмотрев на козла, жующего письмо на канцелярском бланке, стал его нравоучать: — Ты что же это, брат, совести у тебя нет, только капуту жуешь или государственные бумаги с важными распоря-

жениями... А люди, понимаешь, даже поругаться от души не могут, работают в поте лица, и план не выполняют и,— директор вырвал у него канцелярский лист,— и тебе никакого дела нет.

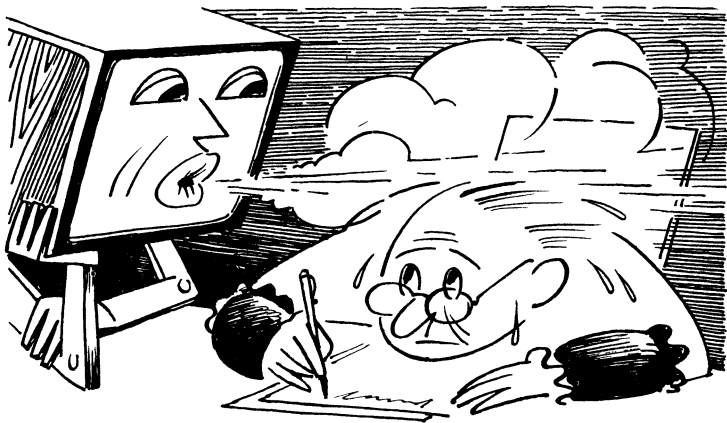
— Совести у тебя нет! Безобразие! — разгорячился Навочкин. — Бесстыжая твоя борода! В командировки никто не ездит, отчетов не несут. Никто ничего делать не хочет. Тебя бы посадить на мое место, так одни рожки да ножки остались бы!

— Правильно! Так, крой его! Развивайте здоровый дух критики,— подбадривал директор, бросая козлу свежей капусты.

Козел не перебивал, не возражал... а это так вдохновило Навочкина, что он даже потряс его за рога.

— А если у вас огонь критики не угас,— сказал ему доверительно директор,— то у нас в подсобном хозяйстве бык имеется, очень нуждается в справедливой товарищеской критике... Недавно сторожа забодал...

Навочкин подумал и отказался. Его теперь вполне устраивала козлиная критика.

ЯЩИК

Рабочий день начался как всегда делово. Ровно в 9.30 мы бодро расположились пить чай. Достали из сейфа чайник, из письменных столов чашки, электроплитку. Абрикосова принесла редкую заварку с травами. Бельчиков — варенье из орехов... Как вдруг в комнату ввалился завхоз Гришка, таща на себе огромный квадратный ящик...

— Фух, еле донес, — тяжело вздохнул он, — ну и штука...

— А это что такое? — спрашиваем у него.

— Агрегат какой-то. Шеф приказал в вашу комнату поставить, — буркнул Гришка и ушел.

Мы перестали пить чай и обступили ящик. Ящик недовольно урчал, и глаз индикатора грозно смотрел на всех.

— И что это его к нам поставили? — засуетились женщины. — Может, это холодильник такой? Как раз продукты хранить.

— Нет, это кондиционер!

— Это, видимо, новая счетная машина — ЭВМ, — мечтательно произнес Бельчиков, — и нас пошлют на переквалификацию на месяц, и все это будет в рабочее время.

— Нет, это компьютер, — авторитетно изрек Колесов, который все знал, — такая новинка подсчитывает, кто сколько рабочего времени тратит, а потом все это помножает на рубли и высчитывает из зарплаты... Я об этом в одном иностранном журнале читал, там, за-рубежом, на фирмах такие счетчики устанавливают. Чихнул, допустим, в рабочее время, так сразу полдоллара долой, зевнул — доллар, а если еще чай будешь пить в служебное время, так еще должен останешься.

— Да что ты? Вот капиталисты гнивающие. Это же античеловечно, — возмутилась Абрикосова, любительница чая и телефонных разговоров в служебное время.

— Такие компьютеры устанавливают в цеха, где план не выполняют. А так как наш отдел третий год отстающий, — говорил Колесов, мрачно улыбаясь, — вы угадываете ход моей мысли...

Колесов был голова. Он нам часами в служебное время такие истории про летающие тарелки рассказывал, что сердце леденело и, конечно, сразу тогда становилось не до расчетов. А один раз он, будучи на рыбалке, даже лично видел космонавтов-инопланетян в тарелках, а один из них попросил у него три рубля взаймы.

Абрикосова и Бельчиков стали собирать посуду и складывать ее в сейф.

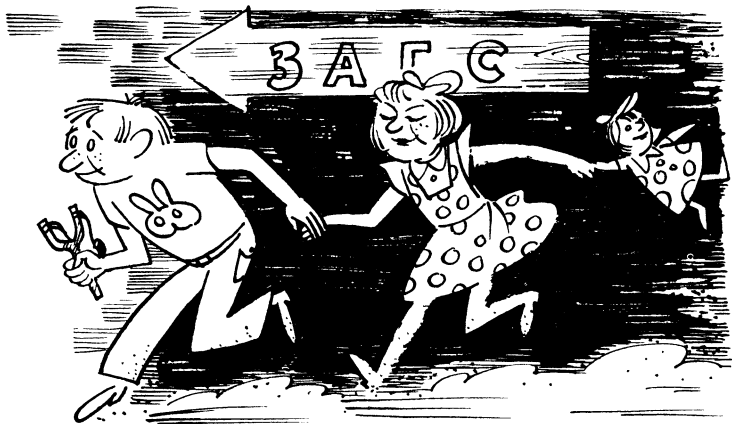
Ящик вдруг сердито заурчал и замигал глазком, напоминая нам чем-то шефа в гневе.

Я спрятал роман-детектив в стол и принялся вместо него читать инструкцию по технике безопасности. Матвеева и Ласточкина отложили на время шитье юбки и взялись за отчеты. Абрикосовой позвонила ее подруга из магазина «Косметика». Абрикосова покосилась на грозный ящик, тихо сказала в трубку: «Я занята, позвони домой после работы». И тут же углубилась в расчеты производственного баланса.

— А кроме того, — нагнетал напряженность Колесов, — этот компьютер транслирует шефу всех нас в его телевизор, как хоккейный матч. Ему все видно, кто борется за шайбу, а кто баклуши бьет. — Мы работали, но поднимая головы. Только компьютер щелкал.

Через месяц отдел вышел в передовые. Нам дали премию. И шеф всех благодарил. Вот что значит техника...

Ничего, что потом выяснилось, что этот ящик оказался освежителем воздуха. Мы продолжали работать в том же темпе.

ЧТО ТЫ ДЕЛАЛ В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ?

Игнашкина Лора — мать-одиночка. Ее сын Петрик рос на глазах нашего отдела. Вместе с ним мы переболели свинкой, диатезом, ангиной, коклюшем... Делали прививки в садике, разучивали песенки «Антошка» и «С голубого ручейка», шили карнавальный костюм зайчика. В первом классе вместе с Петриком решали алгебраические задачки и писали сочинения: «Как я ходил в кино» и «Где я провел лето». Но чем дальше, тем воспитывать Петрика становилось сложнее. На решение тригонометрических задач с поперечными плоскостями и усеченными конусами были брошены конструкторская группа и совет рационализаторов при нашем заводе. Остальные, кто не был занят решением школьных задач, занимались поиском модных джинсов и ботасов для Петрика... Петрик уже стал посещать дискотеки... Он вступал в пору трудного возраста. Лора заметно осунулась, в глазах ее сквозил беспокойный вопрос: «Что вы делали, когда вам было четырнадцать лет?»

Его она задавала всем...

Сначала машинистке запенсионного возраста Кларе Никитичне.

— В 14 лет! О! Шарман! У меня был роман с гвардейским офицером... Мы с ним познакомились на катке.— Глаза у Клары Никитичны заблестели молодым задором.

— А ему тоже было четырнадцать?

— Нет, ему было двадцать восемь и двое детей... Но какой это был гусар, усы до ушей, взгляд орлиный...

Лора шарахнулась от бравой старушки и подошла к главбуху, Сергею Сидоровичу, человеку степенному и уравновешенному.

— В четырнадцать лет я пошел на завод работать, детство тяжелое было... Так что не до джинсов было.— Он задумчиво посмотрел в потолок и улыбнулся.— А еще помню, как подцеплюсь за трамвай и с ветерком по улице... Милиция за тобой гонится, свистит, а ты едешь, как на паруснике в открытом море...

— Фи, Сергей Сидорович! Кто бы мог подумать,— отпрянула она от него.

К тридцатилетнему Матвееву она вообще не захотела подходить. Он до сих пор по дискотекам ходит, с женами разводится и на работу опаздывает.

— В 14 лет я любил читать книги,— он подошел к ней сам,— и играть в шахматы. Может, пойдем сегодня в ночной бар, поговорим о воспитании детей?

Лора строго одернула его.

Директор любил в 14 лет собак, а передовик Галкин прыгать через канавы... Лора долго думала, что делала она в 14 лет, и, так и не вспомнив, решила, что любила поливать цветы.

— Петрик,— позвонила она домой,— полей цветы на окне.

— Хорошо,— донесся из трубки по отделу его бас,— сейчас я попрошу Марину, она очень любит поливать цветы...

— Какая Марина?— вскричала Лора.

— Одноклассница, мы вместе готовим черчение.

— Сергей Сидорович,— в истерике кинулась она к степенному бухгалтеру,— вы в 14 лет готовили черчение вместе с одноклассниками?

— В 14 лет я пошел работать, зарабатывать себе на хлеб, не висел на шее у родителей, не то что нынешняя молодежь,— начал он серьезно,— не до джинсов было,— но тут он зажмурился, выискивая из своей памяти приятные воспоминания... — Правда, нравилась мне соседка. Востроглазая, шустрая такая. Я ее все любил при случае за косу дернуть. Эх, где мои четырнадцать лет. Один радикулит сплошной...

И Лора успокоилась, если в 14 лет даже Сергей Сидорович позволял себе кое-какие шалости, то у Петрика все еще впереди...

ДВЕРЬ

Около входа — толпа. Все ждали, когда откроют дверь. Пересчитывались, переписывались.

- А что там, за дверью? — спрашивали вновь прибывшие...
- Говорят, что кроссовки или джинсы.
- Да что вы! Там, за дверью, в загранкомандировки посылают.
- Нет. Там начальников готовят...
- Да что вы! А ученые степени тоже дают?
- Дают вместе с комиссионными «мерседесами».

Публика волновалась, напирала на дверь, грозно стучала по ней кулаками и ногами, но дверь не поддавалась.

Презрительно поглядывая на толпу, мимо гордо шествовали искушенные «проходимцы».

Вот один из них, высокий, вертлявый молодой человек, быстро распластался на земле и, вытянувшись в червяка, полез под дверь. Но сколько он ни извивался, лазейки не нашел. Отковырял сучок и влез в маленькую канавку в двери. Свернулся там калачиком и замер. Нашел тепленькое местечко. Уютно, спокойно, делать ничего не надо и при двери. Чем не счастье для червячка!

Тип с красным носом, подозрительно озираясь, извлек из импортного портфеля заграничный порошок и стал его глотать, пока не сделался прозрачным и не исчез с глаз долой. Больше его не видели. Видимо, не рассчитал дозы и улетучился, как скипидарный запах. Другой проходимец до того усовершенствовался, что методом йоги и аутотренинга

довел себя до состояния молекулы и пытался продиффундировать сквозь дверь. Но она оказалась покрытой специальным антидиффузным составом «Антипроходимец», и соискатель отлетел от нее, как горошина.

Самонадеянный выпускник не выдержал. Намылившись, попытался проскользнуть в замочную скважину. Но застрял. Напрасно его пытались протолкнуть за ноги вперед или назад. Он только истошно кричал и отчаянно дрыгался, распугивая соискателей. Напрасно пытался подступиться к дверной скважине другой проходимец с универсальной отмычкой-взяткой. Его нещадно лягали торчащие из скважины ноги проходимца-дилетанта. Кто-то из очередников побежал искать бульдозер, чтобы вытащить пострадавшего.

— Скажите, это и есть та самая дверь? — вдруг раздался бодрый голос.

Все посмотрели на широкоплечего парня в солдатской гимнастерке.

— Ну, походи открой ее, — хмыкнули в толпе, — там тебя ждут. Хи-хи. Видишь, «Добро пожаловать!» написано. Хи-хи. Провинция!

Парень уверенно подошел к двери. Она туго поддавалась сильным мозолистым рукам.

— А дверь-то не заперта, — весело сказал паренек, — просто осела немного.

Он аккуратно закрыл дверь за собой, так что застрявший вылетел из замочной скважины, катапультированный назад, в объятия своих родителей...

— Добро пожаловать! — радостно встретили демобилизованного. Там ждали нормальных людей, которые по-людски входят в дверь.

ЗАБОТЛИВАЯ ЖЕНА...

Жены разные бывают. Мне, например, заботливая досталась. Такую заботу проявляет, что через месяц после нашей совместной жизни почувствовал я себя совершенно неполноценным.

— Лешик, ты опять забыл положить во внутренний карманчик носовой платочек. Ведь у тебя насморк...

— Лешик, переодень рубашечку, она у тебя несвежая... Лешик, тебе надо помыться, у тебя шейка и уши...

И выбрит не так, и прическа не такая, и взгляд не туда устремлен.

Придешь с работы с хорошим аппетитом, садишься за стол, а на столе салат из лебеды и варенье из одуванчиков.

— Сейчас модно по-вегетариански питаться. Мы, оказывается, всю жизнь неправильно питались. Вот жуй травку и делай тридцать жевательных движений ртом... Давай я буду считать.

Я открыл рот, чтобы возразить против вегетарианства, а она сказала: «Раз, два. Тридцать раз надо сомкнуть и разомкнуть зубы... Я вчера на лекции экстрасенса была. Говорили, что если питаться травой, то можно прожить до 140 лет, а главное, надо жевать... Жуй, мой милый...»

Я стал питаться в столовой.

Вскоре еще узнал, что дышу неправильно, что надо дышать животом, ходить нужно не ногами, а бедром.

— Лешик, мой маленький, — причитала жена, встретив меня на

улице, — нельзя такую безвкусную шляпу носить. Носи лучше береточку...

— Послушай, милая, — обратился к ней, обнимая ее за плечи, — мне кажется, что мне самому виднее...

— А ты знаешь, Лешик, ты неправильно обнимаешь меня и вообще у тебя подход неверный, вот недавно прочитала статью в медицинском журнале... Вот почитай. — Она извлекла из сумки журнал со статьей доктора медицинско-социологических наук Нелюбимова «Он и она».

Прочитав несколько фраз, совсем затосковал. Я почувствовал себя совсем никчемным.

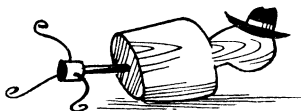
От постоянного напоминания о носовых платках у меня не проходил насморк. В присутствии жены я не дышал, не ел, не пил. Жизнь казалась сложной и недоступной, я в ней чувствовал себя безбилетным пассажиром. Ночью я сбежал в горы. Пошел с альпинистами на Эльбрус. Внизу зияли пропасти, мимо гремели, проносились лавины. Я шел вперед, чувствуя себя самостоятельным и мужественным, гордо возвышаясь над воскресными уборками, салатами из лебеды и медицинскими советами. На такую высоту ни одна жена не поднимется. Мне дышалось легко и свободно разреженным воздухом на высоте выше пяти тысяч метров. Хотелось взлететь орлом в небо, распростертое над головой...

— Кто-то нас догоняет, — воскликнул один из альпинистов, — наверное, снежный человек.

С другого склона Эльбруса через пропасти и трещины, грациозно уклоняясь от лавин, к нам навстречу спешило какое-то существо.

Когда расстояние сократилось, с ужасом узнал свою жену в спортивном костюме и огромной авоськой в руках.

— Мой Лешик, — воскликнула она, отдышавшись, — ты забыл взять с собой носовой платок, шерстяные носки и свитер, — укоризненно угрозила она мне пальчиком. — Ну-ка, переодень обувь, ноги-то совсем, наверное, промокли...

ВЕЧЕРОМ

Вечером работал, как обычно, телевизор «Рубин». Горел голубоватым негреющим огоньком, возле которого грели голубым неощутимым теплом души Ганкины. Странный был этот очаг — не грел, не кормил, а люди смотрели на него с благоговением древних язычников на идола. Сегодня, как обычно, Ганкины собрались у телевизора. Громко и раскатисто, как молодой лев в зоопарке, зевал глава семейства Дмитрий Павлович. Он любил дремать под телевизор, думать о своем и почесывать живот. Его супруга Антонина Матвеевна вздыхала, вытирая посуду, и тихо пела про себя, когда работал телевизор. Их единственная дочь Татьяна вместе с законным мужем Гришей сидели на кушетке и листали «Моды». Они могли читать и обниматься только под сопровождение телепрограмм. Общий баловень, сыночек молодых родителей и в то же время внук, не менее молодых бабушки и бабушки, первоклассник Мишка Ганкин, готовил уроки, глядя на телевизор.

Они щедро бросали в этот ящик свое время и терпели друг друга на основе телепонимания. Все было хорошо, пока шло «Очевидное — невероятное». Когда невероятное кончилось, то дикторша с милой улыбкой объявила очевидное — концерт симфонического оркестра.

— Переключи на другой канал, — скомандовал Дмитрий Павлович Мишке, — там футбол.

— Нет уж, — возразила Таня, которая днем, когда не работает телевизор, преподает музыку в школе, — я хочу слушать симфонический ор-

кестр, мне это необходимо для повышения квалификации, а вам полезно для повышения культурного уровня.

— У меня культуры на троих таких, как ты, хватит, не тебе учить меня. Живете все на мою зарплату, — возмущился заведующий торговой секцией в большом гастрономе Дмитрий Павлович, — я в своем доме не могу посмотреть футбол! Переключи на вторую программу, кому говорят... — рыкнул он, как молодой лев в цирке.

— А я переключу на четвертую, — неожиданно проявил свою акселеративную самостоятельность Мишка, — там мультик «Ну, погоди!» показывают.

— Я тебе покажу, бесов сын, как деда не слушаться, — расстроился Дмитрий Павлович, — давай футбол.

— Я имею право голоса в этом доме или нет, — вдруг взвизгнул обиженно зять Гриша, — я студент-заочник, а в это время по третьей программе лекции для заочников-физиков по сопромату читают.

— Лекции надо в институте слушать, а не по телевизору.

— Вам все равно спать, что под сопромат, что под футбол.

— Что ты хамишь! На мою зарплату с левым доходом существуете и еще оскорблять! Выгоню всех, — затряс всклокоченными волосинками на лысеющей голове, как рассерженный лев в африканском заповеднике, Дмитрий Павлович.

— И в самом деле, Гриша, мой папа не такой уж дурак, — возразила Таня и укоризненно посмотрела на мужа, — он даже симфоническую музыку понимает. Правда, папочка, тебе нравится симфоническая музыка, вот послушай внимательно... Какая музыка... Это Вагнер...

— А я Ганкин. Кормлю вас всех. Джинсы и дубленки достаю. Имею ли я право в своем собственном доме посмотреть футбол! Переключите сейчас же, остановите эту похоронную музыку, я еще не умираю. Рано еще меня хоронить. А вы скоро доведете до крематория! Всех выгоню! — взревел он, как голодный лев в джунглях.

— А обо мне никто не подумал, — вдруг всплакнула Антонина Матвеевна, — я только как кухарка нужна, а хоть кто-нибудь спросил: а что вы хотите посмотреть? Нет, черта с два. Только о себе и думает каждый. А я только так, как бесплатное приложение. Приготовь, сходи в магазин, постирай, смотри за Мишкой.

— Ну что ты, мамочка, — улыбнулась Таня, — я знаю, что ты у меня любишь музыку, я специально, чтобы ты послушала. Ты у меня музыкальная, я в тебя пошла, не то что некоторые, которым медведь на ухо наступил. — И она сердито посмотрела на отца и мужа.

— Да что уж, я с детства пела с подружками... В деревне первая певунья была, особенно старинные песни любила. А Зыкина, случайно, петь не будет? — спросила она.

— Нет, мамочка, это Вагнер...

— Вахтер? А-а, ну-ну... Только шуму очень много, а души что-то маловато...

— Я на кастрюлях и то лучше сыграю,— проявил акселеративное остроумие Мишка,— переключу я на зайца...

— Футбол давайте!

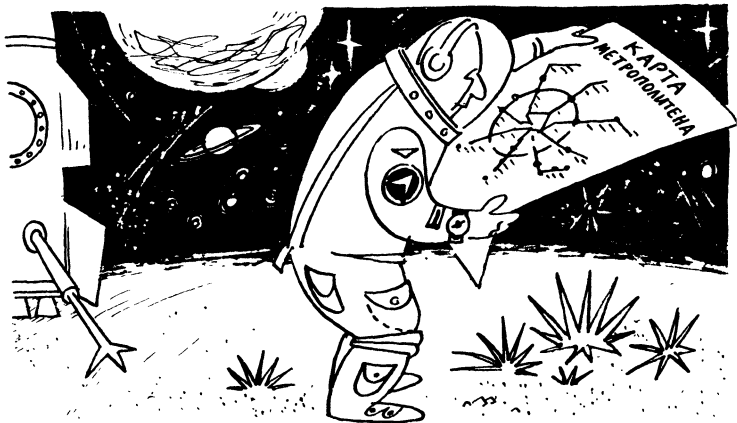
— Сопромат!

Семья Ганкиных находилась в состоянии телеконфликта.

Чем бы этот кризис разрешился, судить трудно, но Дмитрий Павлович уже рычал, как раненый лев в пустыне. В окошке телевизора выглянула дикторша и, понимаяще улыбнувшись, словно прося прощения за Вагнера, объявила: «Следствие ведут Знаатоки». Все успокоились. Воцарился мир и телепонимание в семье Ганкиных.

Антонина Матвеевна вздыхала и штопала носки, зять Гриша и Таня, обнявшись, листали «Моды». Первоклассник Мишка писал сочинение.

И страшно подумать, что бы делали Ганкины по вечерам, если б вдруг сломался телевизор...

ЗАГАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Жизнь геолога Виктора Петрушина проходила мимо станции метро «Измайловская». Каждый раз он проезжал мимо нее и думал, что это за станция такая. Любопытно бы взглянуть... Сам-то он жил на станции «Щелковская», работал на Арбате, ну, а станцию «Измайловская» проезжал мимо с самого детства. Почти всю Москву изъездил, был и в Чертанове, там жила его тетя, и в Бибиреве, там его бабушка проживала, и в

Останкине, там квартира его родителей, и даже в Переделкине Московской области, где находилась у них дача, а вот на станции «Измайловская» не приходилось бывать. Только и слышал, проезжая мимо, ровный голос диктора, спокойно объявляющего: «Станция «Измайловская»...»

Дух к странствиям и путешествиям не давал покоя Виктору Петрушину. И едва окончив институт, он с рюкзаком за плечами поехал в Уренгой искать полезные ископаемые. Опаздывая на самолет, он проезжал мимо станции «Измайловская»...

Вот приеду, подумал он, обязательно сойду на этой станции.

Петрушин объездил всю страну и полмира. Купался в Ниле и в Амуре, дрейфовал на льдине в Арктике, искал нефть в Сахаре и в тундре, загорал на Каспии, а заехать вот на станцию «Измайловская» все как-то было не по пути.

«И что это за станция такая,— думал он, в очередной раз проезжая мимо нее на Чукотку,— говорят, там Петр Первый бывал, парк там большой, магазины хорошие...»

В Петропавловске-на-Камчатке он по телевизору узнал, что в районе станции «Измайловская» бывал в свое время А. С. Пушкин. А однажды, блуждая по дальневосточной тайге, повстречал удивительно милое создание, девушку Валию-топографа. Она оказалась в тайге на практике по распределению после техникума, а жила в районе станции метро «Измайловская». Они крепко полюбили друг друга и сыграли свадьбу в таежном городке. «Какие чудесные девушки живут в районе метро «Измайловская»,— думал счастливый Петрушин,— жил рядом, а не знал».

Потом у топографа Вали закончился срок практики, и она улетела в Москву на свою родную станцию «Измайловская» и стала ждать там Витю. А Витю тем временем срочно направили из тайги в джунгли Латинской Америки. Затем на побережье Адриатики... С Азорских островов он написал письмо на станцию «Измайловская» своей жене Вале. Вскоре получил оттуда посылку с апельсинами и узнал, что у него родился сын. «Вот чудеса,— думал он,— оказывается, там, на станции «Измайловская», апельсины растут, как в Африке... и... мой сын родился!!» Он хотел все бросить и помчаться на станцию «Измайловская». Но его срочно командировали на дно Баренцева моря искать каменный уголь...

Однажды, когда он исследовал бассейн Тихого океана, борясь с загрязнением окружающей среды, от сына пришла срочная телеграмма прямо со станции метро «Измайловская»: «Папа, приезжай, я женюсь!»

Петрушин решил ехать на станцию без колебаний. Но тут в океане поднялся небывалый шторм, и его в экстренном порядке перебросили самолетом на остров Шпицберген...

«Ничего, вот возьму отпуск и побываю на станции метро «Измайловская»,— думал он, исследуя загадочные аномалии Бермудского треуголь-

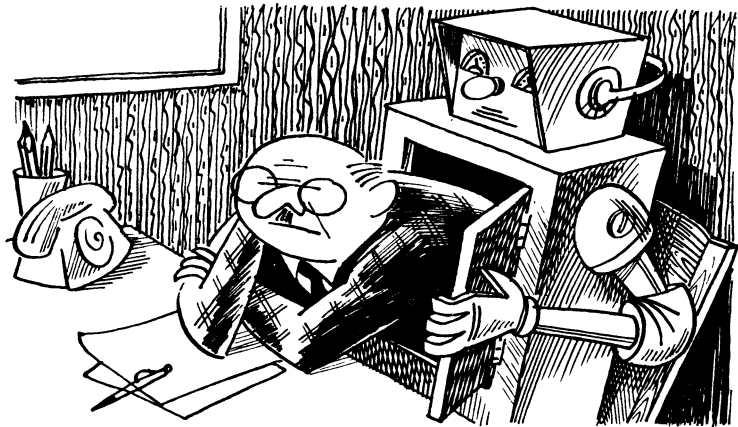
ника. В краткие минуты отдыха ему грезилась загадочная станция «Измайловская», манили ее неведомые прелести, перед которыми тускнела вся экзотика диковинных морей.

...И вот, наконец, он в Москве. Едет в метро по старой знакомой ветке. Проезжая станцию «Измайловская», подумал: вот только дома переоденусь, сразу же туда поеду... Дома его ждала телеграмма. «Срочно выезжайте на научную конференцию в Лондон»...

Петрушин мчался в Лондон мимо знакомой станции. «Станция метро «Измайловская», — услышал он голос диктора. «А может, плюнуть на конференцию и выскочить из поезда... Ведь рядом-то счастье...» — уколола его шальная мысль. Но поезд дернулся и помчал его вдаль...

«Вот буду на пенсии, — думал Петрушин, — первым же делом побываю на станции «Измайловская», сейчас там весна, черемуха цветет, а внук в первый класс пошел... Интересно, какой он стал, мой внук».

Сколько неизведанного и таинственного таила в себе эта загадочная станция, просто дух захватывало...

БЫТЬ НУЖНЫМ ЛЮДЯМ...

Начальник цеха Синькин мечтал о том времени, когда в цехе будут работать одни компьютеры. Надоели ему человеческие капризы. У одного работника загул, у другого — прогул, третий требует повышения зарплаты, у четвертой — декретный отпуск... И каждого выслушай, и с каждым поспори. Не жизнь, а нервотрепка. А с роботами спокойней.

Нажал ему на кнопку, и он работает, только зеленой лампочкой мигает. И никаких эмоций. И голова у него не болит после «вчерашнего», и настроение всегда хорошее, и давление нормальное, и погода не раздражает. Весь день на месте, ни к врачу ему не надо, ни тетю встречать, ни дядю хоронить. Сидит и вычисляет, не отвлекается на телефонные разговоры в служебное время, премию себе горлом не берет.

Вот такой дисциплинированный трудовой коллектив собрать... мечтал он. И домечтался, что автоматизировали весь цех, а сотрудников на другие должности перевели. Остался Синькин один на один с техникой.

Сначала все хорошо было. Сердце радовалось. Нажмет на кнопку «загружай», и никаких оговорок. Включил — выключил. Включил — выключил. В голове только зеленым индикатором отсвечивает: «Вкл. — выкл., вкл. — выкл.». Понажимал он так с неделю на кнопки и — тоску почувствовал. Не с кем поругаться, поспорить. Некого убеждать, некому выговоры за опоздание делать. Только жмешь на кнопки «включил — выключил, включил — выключил» и головой вертишь то влево, то вправо. Перед глазами кнопки и цифры. Чувствует, что сам превращается в робота. Побежал он к вышестоящему начальству и просит: «Дайте мне двух живых работников вместо одного робота, а то пропаду, нервную систему до пенсии не сохраню. Сдвиг по фазе может произойти».

Он странно замигал глазами, как лампа в индикаторе, включил и выключил свет в кабинете начальника.

— Включено — выключено, — многозначительно произнес он и поднял палец.

Начальник понял, что дело серьезно, и приказал заменить в цехе робота на двух сотрудников. Сотрудники приступили к работе.

Сотрудница с утра стала требовать себе отгул.

— Или отпустите меня к врачу, у меня второй месяц мигрень...

Сотрудник полдня курил и играл сам с собой в подкидного. Вторую половину дня подсчитывал, сколько ему должны доплачивать сверхурочных за такой режим работы. Ему все казалось, что он перерабатывает лишнее.

— При такой зарплате — и такие требования! Либо расширяйте штат, либо увеличивайте оклад. А то и в подкидного в свободное время не с кем перекинуться, — требовал он.

Тут Синькин словно проснулся от летаргического сна.

— У вас совесть есть или нет? — воспитывал он сотрудников. — Ничего еще не сделали, а уже требовать! Вы и полноразмерной дневной не выполнили! А мигрень лечить надо в свободное от работы время. У меня, может, тоже насморк, а я про то никому не говорю — работаю...

Спорил, убеждал, стыдил, руководил. Он снова чувствовал себя начальником, а главное — нужным людям.

ТРЕБУЕТСЯ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Иду и вижу, на двери многоэтажного здания висит объявление: «НИИпросиделконторе срочно требуются: уборщица, сантехник, добрый человек, машинистка».

Странное объявление, думаю. Ну, уборщицы, машинистки — то ясно, они везде требуются, а вот что такое «добрый человек»?

Зашел поинтересоваться в отдел кадров.

— Здравствуйте,— говорю,— что за должность у вас такая, «добрый человек»...

— Согласно штатному расписанию,— отвечают,— а где вы работали?

— Сантехником,— отвечаю.

— Ну, что, попробуйте, не получится, на сантехника переведем, на них тоже дефицит...

Так я и угодил в «доброего человека». Приступил к работе. Сiju, как и все в отделе, анекдоты рассказываю, по телефону со знакомыми общаюсь, одним словом, как говорится, работаю. Ничего, думаю, особенного, должность как должность.

Вдруг в отделе заволновались. Женщины возбужденно зачирикали и подняли галдеж. Оказывается, в магазине напротив сапоги импортные дают. Не успел глазом моргнуть, как кандидатки и прочие исчезли. Тут два бородатых кандидата ускакали вприпрыжку в книжный магазин. Потом, сопя, как паровоз, удалился в библиотеку доктор наук.

Подходит начальник.

— Где коллектив? — спрашивает.

— В местных командировках, — отвечаю.

— А вы что сидите? — говорит.

— Кому-то надо сидеть. А я добрый, по штату.

— Тогда сидите и на телефоны отвечайте, заодно и на мой. Секретарша-заочница сейчас на сессии. Если позвонят из министерства, когда бы ни позвонили, скажите, что только что ушел.

Засел за телефоны и добросовестно снимаю трубку.

К вечеру стали собираться сотрудники. Женщины обмениваются гастрономно-галантерейными впечатлениями. На столах разложили апельсины, бананы, кур в целлофане и прочие свертки. Не научный отдел, а выставка-ярмарка. Кандидаты книги листают, чего-то меняют. Другие не занятые делом сотрудники играют в шахматы и в преферанс.

Появился начальник. Видимо, неудачно съездил, а может, фильм не понравился.

— Выполнили, — спрашивает, — задание, да-да, то самое?

Все загрустили. Видно, это «то самое задание» уже который год портит настроение сотрудникам. В расчеты погрузились. Наступила деловая тишина.

— Кроме того, — срывал свое плохое настроение начальник, — пора уже и рационализаторские предложения представлять.

Совсем у всех настроение пропало, и почему-то с укоризной косились в мою сторону. Начальник тоже. И вдруг говорит строго:

— Ну-ка, зайдите в кабинет...

Захожу.

— Где работа? — спрашивает. — Почему нет рационализаторских предложений? Чем вы целый день занимались? А? Для начала вынесу вам выговор и лишу премиальных на полгода вперед.

Хотел возмутиться. Мол, за что? Но вспомнил, что на штатной должности, и говорю:

— Есть у меня предложение. Пусть все сидят, а я по магазинам буду бегать... У них все-таки высидка квалифицированнее будет. Все-таки специалисты, да еще со степенями...

Начальник серьезно посмотрел на меня и говорит:

— Зайдите позже.

Через пять минут снова вызывает.

— У меня мысль интересная мелькнула, — говорит, — с завтрашнего дня отдам приказ, чтобы вы исполняли свои добрые обязанности, помогали сотрудникам в мелких услугах и проявляли побольше чуткости. Вот у бухгалтера Ерохина желудок больной, а у Селезневой личная жизнь не клеится. Покажите свою душевность в полной силе.

Начал показывать.

— Как здоровье? — спрашиваю у Ерохина. — Желудок как?

Тот сразу оживился.

— Болит, — говорит радостно, — то бурчит, то урчит, не поймешь. Мне врачи и творог, и кефир, и диету прописывают. Однако ерунда все это. Главное здесь — питание.

Я участливо слушал, проклиная свою должность.

Селезнева, одинокая кандидат наук, в космических очках, пригласила меня на вечер симфонической музыки.

Вернулся домой поздно, разбитый симфониями. Только уснул. Звонки.

— Ерохин беспокоит, — слышу голос бухгалтера, — не спишь? Вот и я тоже, никак не могу спать. А все дрыхнут, наплевать, что у меня желудок, бессонница. Черствые стали, только о своих желудках беспокоятся. Жена, как нарочно, пирожков с повидлом напекла. А ведь знала, что у меня диета... Хочет избавиться от меня таким образом, со свету сживает...

До утра я слушал о желудочном соке и зловредительстве жены.

Утром в институте висел приказ директора о постоянном пребывании сотрудников на месте. Со всеми вопросами обращаться к Рушкову, то есть ко мне.

На меня тут же набросились. Кто-то просил насчет гаража в исполнении разведать, кто-то дочку в аспирантуру срочно устроить, третий — сдать кандидатский экзамен. Я записал все заявки в спецтетрадь для отчетов, подхватил огромную торбу и ринулся выполнять задания...

Целые дни носился по магазинам и учреждениям.

По коллективной просьбе женщин открыл детские ясли на дому, по ночам слушал о подагре и язве Ерохина, а в остальное время меня преследовала одинокий кандидат наук в космических очках... Она требовала найти ей мужа из сферы обслуживания или в крайнем случае, — говорила она, — сами женитесь, если такой добрый.

Через две недели я сломался. Заболел от перенапряжения. Лежу один в своей однокомнатной квартире, никому не нужный.

«Вот так умру, — думаю, — и никто воды не принесет...»

Через час в дверь позвонили. В комнату вошли Ерохин с пирожками и Селезнева с сумками и свертками.

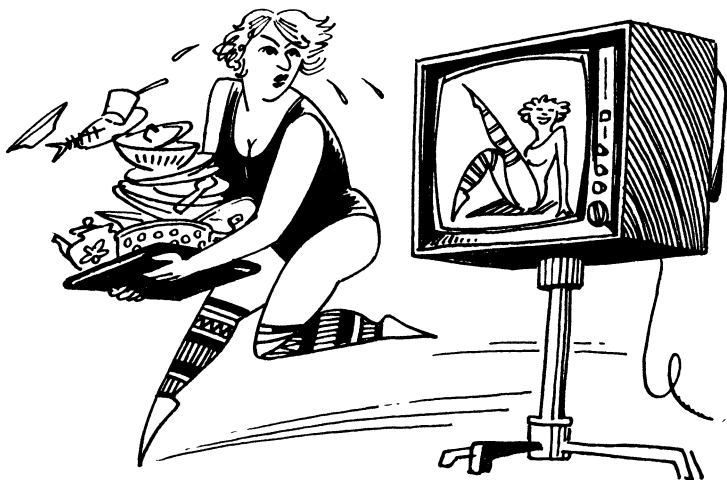
— Разве можно так не беречь себя, совсем не думаешь о себе, подумай хоть обо мне, — Селезнева всхлипнула, как обыкновенная женщина без степени, и взяла меня за руку, — и пульс учащенный...

— Здоровье нужно беречь, — изрек Ерохин, — особенно желудок, я вот вам творог и кефир принес.

Вечером собрались все сотрудники во главе с директором. Всю ночь около меня дежурила Селезнева. Я даже почувствовал к ней что-то вроде любви.

— Ничто так дорого не ценится, — сказал в своей речи наш шеф в связи с визитом ко мне, — как доброта, пусть даже и за зарплату, но, к сожалению, эту ставку нам придется сократить в связи с раздутыми штатами.

Я почувствовал силу доброты со стороны коллектива, понял, что не одинок. И так расчувствовался, что решил перейти на должность сантехника с добрым уклоном. Быть добрым за бесплатно.

ТЕЛЕАЭРОБИКА

Не знаю, откуда она к нам залетела? Первый раз, когда услышала это слово, думала, что новый летательный аппарат изобрели. Но потом оказалось, что это такая гимнастика, ногами, как пропеллером, по воздуху надо махать. На работе только и слышу: аэробика, аэробика...

— Ты, — говорят мне, — Матвеевна, отсталый человек. Зарядкой не занимаешься, фигуры и талии не имеешь.

«Ну, что же, — думаю, — чем я хуже других? Буду и я крутить эту аэробику, стану стройной и изящной, как аэробистки из телевизора».

Пришла домой. Выгнала всех своих домашних — мужа с детьми в кино на вечерний сеанс, свекровь к соседке в домино играть, а сама сняла фартук, выключила плиту и включила телевизор.

Выскочили аэробистки на экран. Стройные и воздушные. Подмигнули мне по-свойски, и одна из них командует:

— Ну-ка, махи ногами вперед-назад... Вперед и назад...

Я взмахнула левой ногой и сбила со стола вазу с цветами. Пока

убрала осколки, помыла пол, а девочки уже лежали на спине и выгибались...

— Сильнее прогнуться, еще сильнее, — подзадоривала ведущая.

Я прогнулась так сильно, что разогнуться уже не могла. Схватил радикулит.

— Так, хорошо, очень хорошо, — похвалила меня ведущая... — Прыжки в разные стороны.

А я лежу, не могу подняться. Уже аэробика отпрыгала, передача «Спокойной ночи, малыши» началась, а я все лежу...

Тут муж с детьми приходит.

— Ты что это делаешь? — спрашивает.

— Как что, аэробикой занимаюсь. Помогите мне лучше подняться, чем глупые вопросы задавать...

— Вместо того чтобы ужин приготовить, ты ерундой занимаешься, — обиделся на меня муж.

И тут меня взорвало. Вскочила я без посторонней помощи и говорю мужу-эгоисту:

— Тебе можно на футбол ходить да на хоккей, а мне никакой личной жизни, по-твоему? Нет. Умные люди специально для нас, женщин, аэробику изобрели... — И я замахала левой ногой, опрокинув торшер.

На следующий день на работе я только и говорила взалхлеб об аэробике. Все смотрели на меня с уважением и пониманием. Кто-то пообещал достать гетры и кроссовки...

«Вот, — думаю, — теперь мужа удивлю... в гетрах...»

Когда я пришла домой, меня встретили все мои домашние во главе с мужем. Он преподнес мне букет цветов, дети исполнили хором: «Мама, милая мама, как тебя я люблю...»

— А телевизор я в ремонт сдал, — радостно сообщил муж, — барахлить начал, а вместо него я купил билеты в цирк... Всем семейством сходим... А? И время подходящее, ты и ужин успеешь приготовить... — И он стал ласково мне заглядывать в глаза, как во время наших встреч до свадьбы. И я почувствовала себя молодой и красивой.

«Аэробика — это сила», — решила я и, закатав рукава, отправилась на кухню готовить ужин.

СОДЕРЖАНИЕ

Линия	2
Высочка	5
Обыватель	6
Бедный папа	10
Растворимая в быту	12
Живая рыба	14
Схватка	16
Странный звонок	18
Противоядие	20
Несчастный витамин	22
Любовь между строк	24
Сладость критики	26
Ящик	28
Что ты делал в 14 лет?	30
Дверь	32
Заботливая жена	34
Вечером	36
Загадочная станция	38
Быть нужным людям	40
Требуется добрый человек!	42
Телеаэробика	45

Василий Ильич ТРЕСКОВ
ТРЕБУЕТСЯ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Редактор В. И. Свиридов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 29.12.86 г. Подписано к печати 05.02.87 г.
А 05024. Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,91. Усл. кр.-отт. 2,45.
Тираж 75 000. Изд. № 67. Заказ № 4336.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

